

Шам Аз продолжал идти вперёд, пробираясь сквозь толпы людей, а Дейан ступал за ним, посматривая вокруг. Они подошли к главной площади Дарсиды, что сейчас была на удивление полна народа. Торговцы и воины, туристы и жители, немногочисленные стражники и воры с мошенниками — все они, казалось, собрались в одном месте, словно на парад, только вот ни о каком строевом движении не могло быть и речи.

Возле выхода на площадь, правее от улицы, из которой выбрались путники, виднелся просторный пруд, в центре которого бил небольшой фонтан. Дейан оглянулся и заметил перед прудом лестницу с рельефными колоннами, ведущую ко входу в роскошное белоснежное здание, из крыши которого торчала высокая башня с золотистой купольной крышей. Башня была гораздо выше всех остальных строений города, и Дейан даже удивился, что не смог разглядеть её на подступе к долине.

Шам Аз ушёл далеко, затерявшись в толпе, но вскоре вернулся назад, положив задумчивому страннику руку на плечо.

— Очаровательный вид, не правда? — Дейан так и не посмотрел на него, продолжая созерцать строение. — Это храм Дарсиды, место поклонения Всевышнему, пристанище для паломников и одна из наших достопримечательностей. Можно сказать, жемчужина города.

Дейан устремил взгляд наверх, оглядывая высокую башню. Шам Аз это заметил и поспешил добавить:

— Гадаешь, почему все дома тут такие маленькие, а башня нет? — толстячок усмехнулся и сам ответил на свой вопрос. — Просто зодчий компенсировал свой «маленький» недостаток.

Дейан повернулся, наконец, к мужчине, и уставился на него, скривив брови.

— Да шучу я, шучу, — тут же откинулся Шам Аз. — Должно же у настоятелей храма быть что-то, внушающее уважение и трепет. Как будто без этого мы станем реже молиться. А вообще, Керп Фасыл сдаёт эту башню приезжим мазарам.

— Магам? — переспросил странник.

— Да. Магам, колдунам и прочим чародеям. Там внутри, говорят, для них всё обустроено, чтобы можно было проводить всякие обряды и эксперименты.

Шам Аз снова поправил куфию, хотя выглядело это, словно он просто пытался почесать голову.

— Почему башню не было видно с гор? — не унимался Дейан.

— А-а-а. Ты уже начал говорить предложениями. Это радует, — хохотнул мужчина. — Да приезжал тут один фокусник года два или три назад. Чудной был мазар. Но Фасыла это не особо волновало, они все такие. Так вот, у него мания была, что за ним следят постоянно. Так, по крайней мере, говорили. И решил он башню сделать невидимой. Силёнки, видимо, не рассчитал, и теперь издали её не видать, хотя в пределах города — вот, стоит как обычно. Фасыл после этого сам поселился в башне и больше её не сдавал. Вдруг новый постоялец ненароком, да разрушит жемчужину Дарсиды.

Дейан ещё раз глянул на самое высокое место в городе, но Шам Аз хлопнул его по плечу, отвлекая от дивной красоты белоснежного архитектурного чуда.

— Пойдём. Меня уже заждались. Да и ты, бьюсь об заклад, проголодался и не прочь

подкрепиться.

Странник снова последовал за своим проводником. В один момент мужчина остановился, показывая на торчащий из земли столбик, окрашенный в белый цвет.

— Видишь его? Это разметочный столб. На площади таких с дюжину. Иногда её перекрывают и устраивают игры, а эти столбы показывают пределы игрового поля.

Дейан ничего не сказал, лишь снова последовал за толстячком, когда тот продолжил путь.

Они пересекли главную площадь, и у входа в самую широкую из всех виденных здесь улиц Дейан приметил незрячего мужчину, что сидел возле стены одного из домов, сложив ноги по-турецки. Грязный серый балахон на его теле истёрся на рукавах и возле пояса. Бритая голова была прикрыта лёгкой бурой цилиндрической шапочкой, а отросшая чёрная борода с проседью изредка подрагивала, когда тот что-то мямлил себе под нос. Его глаза были прикрыты, и со стороны могло показаться, что тот просто прячет их от последних лучей заходящего солнца, но Дейан знал, что это было не так.

Он направился к слепому, опять забыв предупредить Шам Аза.

— Мы снова увиделись с тобой, Вьеирифон, — бросил странник в сторону сидящего на земле мужчины.

— Может и так, добрый друг. Но могу заверить, что я вас раньше уж точно не видел, — тот раскрыл веки, показывая блеклые мутные глаза, что подтверждали его слова.

Дейан присел на корточки перед Вьеирифоном, частично преграждая дорогу людям, но его это ни капельки не беспокоило.

— Что привело тебя сюда в эти чужие и жаркие земли? — спросил он.

— О, для меня нет никаких чужих земель. Все они как один большой дом, в котором я живу, — хрипло усмехнулся слепой. — А пришёл я сюда за тем же, что и вы, мой любознательный друг.

— Чтобы выполнить обещание?

— Нет, — загадочно заулыбался Вьеирифон, — Чтобы не забыть, кто я такой.

Дейан присмотрелся к старому знакомому, насупив брови и пытаясь понять смысл его слов. Ему помешала маленькая девочка с курчавой копной каштановых волос, что подбежала к незрячему, бросив быстрый взгляд на странника подле него. Затем она достала маленькую монету из кармана и бросила её в разбитую тарелку для подаяний. Медяк отскочил от маленькой горсти монет на дне и вывалился из отломленного края посуды на землю.

— Спасибо, моя дорогая, — тут же поблагодарил Вьеирифон, одарив девчушку широкой искренней улыбкой.

Та ничего не ответила, лишь улыбнувшись в ответ. Она продолжала глядеть на мужчину своими ясными зелёными глазками несколько секунд, пока её улыбка медленно угасала, а затем принялась копошиться в своей пышной гриве, и выудила оттуда цветок, что припасла у себя за ухом. Она взяла Вьеирифона за руку, развернула ладонью вверх и положила на неё свой подарок.

— О-о-о, — удивлённо отозвался слепой, — Благодарю тебя, моя звёздочка. Пусть смелость и вера не покинет в тяжёлые времена тебя и твоих родителей.

Девчушка продолжала заворожённо смотреть на мужчину, пока сзади не послышался голос:

— Виза, пойдём. Нам пора.

Девочка отбежала к своей матери, схватив женщину за руку и продолжая смотреть на Вьеирифона, пока они не скрылись в толпе.

Странник, наблюдавший за всем этим, заметил:

— Вижу, ты всё также легко находишь друзей.

— Хех, такая уж у меня натура. Притягивает к себе людей.

Дейан постучал по разбитой тарелке.

— И не всегда приветливых, — напомнил он собеседнику.

Странник собрал все монеты на уцелевшем куске посуды, а затем ссыпал их в маленькую урну, что нёс до этого через весь город. Он взял незрячего за руки и приложил их к новой таре.

— Держи, мне она уже не понадобится.

Вьеирифон ощупал подарок со всех сторон, а затем поднял его в руках и слегка потряс, слушая звон внутри.

— Спасибо тебе, мой дорогой друг, — весело произнёс он.

— Бывай, Вьеирифон. Удачи тебе в... Том, чтобы не забыть, — поднявшись на ноги, ответил Дейан и пошёл дальше по улице.

— И тебе, друг, и тебе, — донеслось до него сзади затихающее напутствие.

Шам Аз долго не мог отыскать своего попутчика, но теперь, когда Дейан поднялся на ноги, ему не составило труда разглядеть среди бесконечного потока людей единственную неприкрытую голову с засаленными патлами.

— А, вот ты где! А я уж было подумал, что ты решил остаться на площади или попросту сбежал от моей болтовни.

Толстячок снова положил руку на плечо странника, на этот раз стараясь не упускать того из виду, пока они шли вперёд.

Дейан ничего не ответил. Они так и брели в молчании (если не считать зачастивших возгласов с приветствиями, которыми Шам Аз осыпал всех знакомых людей на улице), пока не пришли к месту, где долина значительно сужалась, переходя во всё ещё довольно широкий каньон.

По правой стороне возле каменной природной стены, похожей на срез слоёного торта, стояло большое двухэтажное здание. Именно туда и вёл за собой своего попутчика приветливый Шам Аз.

Они прошли внутрь через деревянную дверь и оказались внутри просторного прямоугольного

зала со множеством деревянных столов различной формы, вокруг которых восседали многочисленные посетители. Освещения из окон начинало не хватать. Светильники вокруг стен уже горели, но большая люстра возле потолка с десятком толстых свечей оставалась незажжённой.

— Ты не говорил, что живёшь в таверне, — проронил Дейан.

Шам Аз тут же ответил:

— Так ты и не спрашивал.

В этот момент к ним подошла женщина. Она была одета в тёмный балахон, что выдавал её стройную фигуру, благодаря чёрно-белому поясу вокруг талии, а её голова была обёрнута в хиджаб, что оставлял лицо открытым.

— Вот ты где? А я уж начала переживать, что ты заблудился в горах, — её взгляд переместился на Дейана. — Вижу, ты опять с находкой. Вот не можешь ты просто так вовремя вернуться домой, да? Я только привыкла к вулканическим камням и прочим побрякушкам, как на тебе! Сначала птенец коронка, потом коза, а теперь ты решил людей за собой таскать?

Шам Аз был не в силах устоять перед таким напором.

— О мой милый цветочек, этот путник заблудился в горах. Не мог же я оставить его там в одиночестве?

Женщина закатила глаза.

— Отвёл бы в город, да распрощался. Не обязательно было его за собой вести.

Взгляд Шам Аза стал очень тёплым, а его голос прямо зажурчал:

— Ручеёк ты мой горный, не всем заблудшим достаточно указать направление. Порой им нужно нечто большее...

Женщина понимающе посмотрела на супруга, а тот после короткой паузы добавил:

— К примеру, наш знаменитый пирог.

Она тут же вскинула руки вверх и повернулась в сторону кухни.

— У нас как раз всё готово, осталось отправить в печь, — вспомнила она, удаляясь, а напоследок крикнула мужу: — А ты займись пока светом, а то темно как в пещере у кудангов.

— Присаживайся, друг. Я скоро вернусь.

С этими словами Шам Аз удалился вслед за женой. Дейан выбрал дальний квадратный столик, что освободился, пока жена отчитывала толстячка, и уселся спиной в угол, чтобы держать на виду весь зал и исключить возможность быть застигнутым врасплох со спины. Старая привычка, от которой уже было не избавиться.

Дейан оглядел все столы, за которыми, как могло показаться, собрались представители людей со всех концов света. Бородатые шумные северяне (настоящие северяне, а не те, кого местные без разбору так кличут оными), представители востока в изысканных красных одеяниях с поразительной вышивкой, группа темнокожих воинов из племени Зиу с юго-запада континента,

высокие светловолосые и курчавые харлоу (искатели приключений, судя по двум наёмникам, что сидели вместе с ними за столом) и нельзя забывать о местных, пришедших просто весело провести вечер в компании приятелей.

Было странно видеть всех этих разных людей в одном месте, да ещё и не пытающихся завязать драку (это особенно касалось взбалмошных северян). Но в тоже время привносило свою особую атмосферу в этот трактир. Отчего он казался не каким-то грязным пристанищем для всякого сброда, как было в большинстве заведений северных королевств. Нет, здесь чувствовался уют и умиротворение, которых Дейан не испытывал уже давно, и которые сейчас действовали словно бальзам на душу.

Он отставил оружие к стене, а сам, протяжно выдохнув, сложил руки на столе и положил на них голову, прикрывая глаза.

Какое-то время он просидел так, отстранившись от своих мыслей. Наслаждаясь моментом тишины внутри себя, странник не заметил, как кто-то подошёл к столу и поставил на него кувшин.

Услышав звуки ударяющейся посуды, Дейан резко подскочил на табурете и уставился на чудесную темноволосую девушку с милым личиком и прекрасными голубыми глазами, довольно редкими среди жителей юга. Она в свою очередь глядела ему в глаза, зачарованно всматриваясь в два грозových облака, в которых сверкали маленькие молнии. Прошло довольно много времени, пока девушка не вышла из дурмана и не поставила на стол две кружки.

— Это рамза - напиток из ягод тоу. У вас их называют ринзардо, — вымолвила она, продолжая смотреть на Дейана.

— Спасибо, — тихо поблагодарил он.

Девушка наконец обернулась и понеслась к проходу на кухню. Странник наблюдал как та с невероятной грацией огибала столы и посетителей, умудряясь ни с кем не столкнуться, пока её бирюзовая туника, что в слабом свете казалась синей, колыхалась при каждом крутом вираже.

Странник был так заворожён, что чуть не упустил из виду фигуру в тёмном плаще, выбравшуюся из кухни и спешно двигавшуюся к выходу. Глубокий капюшон не давал разглядеть лица, да и в целом накидка прекрасно справлялась со своей функцией, полностью скрывая владельца. Единственным, что заметил Дейан, были красные шнурки с золотистыми нитями, что были связаны в узел возле шеи, и не давали плащу соскользнуть.

Таинственная фигура скрылась за дверью, затерявшись на улицах вечернего города.

В зал вышел Шам Аз. Он опустил люстру вниз и зажёл на ней все свечи, вернув круглое деревянное колесо, на котором они стояли, назад к потолку.

Закончив с освещением и поприветствовав нескольких местных в заведении, толстячок направился к Дейану, усевшись напротив него.

— Ты не сказал, что заправляешь трактиром, — заявил странник.

— Опять же, ты и не спрашивал. И вообще, из тебя не так просто вытянуть хоть слово. Хотя... — Шам Аз помедлил с продолжением, опустив голову, — Тот, кто потерял смысл жить, и не должен быть многословен.

Дейан не ответил, стараясь избегать взгляда хозяина таверны.

— Ну, раз уж тебе нечем со мной поделиться, давай хоть насладимся славным напитком. Как знать, может, заполнив пустое пространство, на поверхность поднимется то, что горчило на самом дне, — хитро заявил Шам Аз, разливая рамзу по стаканам.

Это прозвучало как тост, поэтому они выпили сразу, подняв перед этим посуду в воздух.

Следующие минут двадцать прошли под байки, исторические заметки и забавные истории владельца трактира. Выпивали они не часто, так как Шам Аз больше болтал, чем прикладывался к стакану, но кувшин успел опустеть, когда к их столу вновь пронеслась прекрасная голубоглазая девушка с подносом в руках. На нём лежал круглый горячий пирог, посыпанный тёмной крошкой из каких-то трав, и от которого поднимался лёгкий дымок.

Когда красавица поставила чудно пахнущее румяное блюдо перед мужчинами, то почти что случайно коснулась руки Дейана. Он почувствовал необычайную мягкость кожи на её ладони, а также ощутил участившиеся удары сердца, что эхом прокатывались по всему телу вплоть до запястий. Их взгляды вновь устремились навстречу друг другу, но на этот раз Шам Аз не дал им насладиться долгим любованием.

— Немира, принеси, пожалуйста, ещё один кувшин. Боюсь одного нам не хватило, чтобы утолить жажду после скитаний по горам.

Девушка обернулась к отцу и смущённо пробормотала:

— Конечно, сарим. Сейчас принесу.

Она тут же унеслась назад на кухню, всё так же завораживающе кружась меж людей и столов. Дейан проводил её взглядом, а потом повернулся к своему гостеприимному товарищу, успев лишь открыть рот, чтобы задать вопрос.

— Да, она совсем не похожа на меня или мать. Хотя Ормейа утверждает, что они с её прабабушкой просто как две капли воды. Я прабабку, само собой, не встречал и даже портретов не видывал, но раз уж жена так уверена, то...

— У неё... — слышался тихий голос замешкавшегося странника, как его тут же снова перебили.

— Да, очень редкие голубые глаза, — тепло улыбаясь, продолжил Шам Аз. — Ормейа говорила, что прабабка была из древнего племени заклинателей воды. У них такой цвет очей был обычным делом.

— Был?

— Прабабка была одной из последних из этого племени. Заклинателей не видели в Дарсиде уже лет пятьдесят, а то и больше.

— Твоя дочь очень... — Дейан снова не смог закончить предложение.

— Я знаю, мой горный друг. Поверь, я слышал это уже много раз и видел множество таких же взглядов. Но я также хорошо разглядел и твои сапоги. Боюсь мне не дано представить, где только ты в них не побывал, но одно я знаю точно — когда-нибудь ты покинешь этот город и отправишься странствовать дальше. И меньше всего мне хотелось бы после этого собирать

кусочки разбитого сердца своей единственной дочери.

Мужчины уставились друг на друга, приходя к негласному соглашению. Когда Шам Аз увидел лёгкий кивок странника, он тут же осушил свой стакан и заголосил уже весёлым тоном:

— Ну что же ты стесняешься? Не учтиво отказываться от даров хозяина дома. Пробуй же пирог!

Дейан отхватил рукой заранее отрезанный кусок и, не стесняясь, закинул его в рот. Он уже принялся пережёвывать изысканный десерт, как вдруг окунулся в потерянное воспоминание о далёком и, казалось, навсегда забытом детстве. Его глаза закрылись, в то время как на занавесе век засияла картинка с таким же тёплым и чудным пирогом. Стол перед ним был заставлен праздничной посудой. Из носика пухлого фарфорового заварника в его чашку на блюде лился терпкий чёрный чай, от которого аккуратной струйкой вверх поднимался едва уловимый завиток пара. Слева из окна доносились звуки насекомых и шелест высокой буйной травы.

Заварник вернулся на своё место, и он почувствовал на своих волосах морщинистую и мозолистую, но в тоже время нежную и любящую руку.

Дейан так и не открыл глаза, целиком погрузившись в омут памяти. Он даже перестал жевать. Но его широко растянувшиеся вместе с прилипшими крошками губы подсказали Шам Азу, что выпечка сегодня удалась на славу. Как никогда раньше. Толстячок даже не стал беспокоить странника, довольно поглядывая на него, пока тот, наконец, не открыл глаза.

— Наш семейный рецепт, — похвастался хозяин таверны.

Казалось, что сама жизнь поигрывает на радужке глаз ошеломлённого Дейана своими лучами. Настолько чистыми и полными смысла они стали, по сравнению с моментом их первой встречи.

Странник продолжал наслаждаться невообразимым пирогом с травяной посыпкой, а Шам Аз не стал нарушать трапезы очередными своими историями.

Через несколько минут к столу подошла Немира, поглядывая на уплетающего уже третий кусок пирога Дейана.

— А вот и ты. Я уж думал, что ты снова потерялась где-то по дороге.

— Прости, сарим. Пришлось идти в погреб и открывать новый бочонок, — поспешила она оправдаться.

Шам Аз обернулся к своему попутчику и довольно протянул:

— Передай матери, что её сегодняшний шедевр поразил нашего гостя в самое сердце.

Девушка замялась, скромно улыбаясь.

— Вообще-то, сегодня пирог пекла я.

Оба мужчины уставились на неё, то ли с удивлением, то ли ожидая продолжения. Но их неловкую обстановку прервал молодой парень лет двадцати, что с грохотом вбежал в заведение.

Он тяжело дышал, широко раскрыв рот, абсолютно лишённый растительности вокруг него. Куфия парня немного слетела назад, из-за чего его чёрные волосы вылезли на лоб. Он упёрся левой рукой о деревянный столб, а другую опустил на колено, согнувшись в спине. Со стороны могло показаться, что парень долго бежал и сейчас пытался перевести дух, но Дейан отчётливо понимал, что его одышка и тремор были вызваны отнюдь не плохой физической формой. Он был в смятении и чертовски напуган.

— Армия Санкри-Борум движется к Дарсиде, — преодолев эмоции, выпалил паренёк, распрямив спину. — Они в двух днях пути от города.

В таверне воцарилась гробовая тишина. Каждый из присутствующих пытался усвоить новость и не осмеливался нарушить молчания.

Пока посетители и хозяева продолжали вперить свои взгляды в растерянного гонца, Дейан продолжал уплетать чудесный пирог. И, хоть уже не так отчётливо, но он всё ещё был погружён в то далёкое и затёртое воспоминание, наслаждаясь каждым моментом в этой тихой таверне охваченного тревогой города на дне большой зелёной долины.

Высокий мужчина в чёрном кожаном боевом облачении и таком же чёрном тюрбане с красной брошью чуть выше лба, похожей на звезду, быстрыми и уверенными шагами приближался к королевскому шатру, держа левую руку у пояса на набалдашнике своей изысканной сабли.

Блики от множества разведённых по всему лагерю костров играли на его суровом лице. Ночь была тёмной, и не каждый солдат мог разглядеть его фигуру, стремительно движущуюся на переговоры с послами Дарсиды. Он мог и вовсе остаться незаметным, если бы не его мерцающие карие глаза и поблескивающая от света огня аккуратная борода с частыми рыжими волосками.

Каралл Санкри, двоюродный брат самого Аравада добрался до нужного места, но его путь преградил один из царских стражников.

— Великий Царь Аравад не даёт сейчас аудиенций, — объявил он.

Каралл проигнорировал охранника и, не замедляя хода, попытался пройти мимо него, надеясь оттолкнуть юного прислужника, но тот ударил перед собой о землю концом своего позолоченного посоха с навершием в виде сидящей совы. Хаж остановился, понимая, что дальше его не пропустят. И дело было даже не в самом жесте, что недвусмысленно намекал на это, а в плотности воздуха вокруг стража. Пространство перед Караллом словно загустело. Было не только сложно двигаться в нём, но и просто дышать оказалось затруднительно.

Благородный хаж отступил, вглядываясь в лицо совсем юного на вид парня, что исполнял волю своего владыки. Он и двое других личных телохранителей царя не были полноценными мазарами, как многие считали по ошибке. Родители ещё младенцами отдали их на служение королевской семье, надеясь, что те получат не только престижную должность, но и заслужат особое положение в обществе. Такая практика давно велась в южных королевствах.

Всех, кто обладал магическим потенциалом, отправляли в секретные лагеря, где готовили таких особых королевских стражей. Их способности к магии были искусственно ограничены, чтобы не допустить помутнения рассудка из-за чрезмерного доступа к могуществу стихий. Но их защитные навыки (как магические, так и физические) были доведены до совершенства, что превратило их в идеальных телохранителей для королевских особ.

Каралл прекрасно знал об этом, ведь и сам был королевских кровей. Единственное, что ему оставалось, так это словом убедить стража и пройти внутрь.

— Мне сказали, что из города прибыли послы, дабы обсудить условия сдачи, — уверенно и спокойно объявил он. — Как член знатного рода и предводитель воинов Санкри, я обязан присутствовать на встрече.

Страж ответил таким же спокойным тоном:

— Великий Царь обсудит все вопросы с послами лично. Вмешательство знатных мужей и воевод не требуется.

Каралл пристально посмотрел на юнца, а затем перевёл взгляд на вход в пышный шатёр, сжимая набалдашник сабли с красным рубином так, что послышался хруст, а костяшки его пальцев побелели.

Стражник не обратил особого внимания на признаки недовольства хаж, продолжая спокойно глядеть в его сторону.

Каралл услышал в словах парня чёткий приказ от самого царя, но был взбудоражен не столь самим решением, которое тот принял, а тем, что начал смутно догадываться о причине, по которой никого из знати не допустили на встречу. Спорить и что-то доказывать охраннику он не собирался и тем более не желал ждать, пока его брат покинет своё укрытие, словно разбойник, ожидающий караван в засаде. Каралл лишь шумно выдохнул и пошёл обратно к своему лагерю. Таким же быстрым и уверенным шагом.

Сам же царь тем временем лежал внутри шатра на красной бархатной кушетке, одетый в просторный, но изысканный красно-золотой кафтан. Он уложил свою голову на подушку-валик, прикрыв глаза и начав разговор.

— Если бы не это чёртово обещание, мы бы сейчас наслаждались ужином в резиденции правителя Дарсиды и купались в одном из его знаменитых источников, — тихо и недовольно бубнил Аравад. — Что значит это обещание для знати? Я ведь не сказал, что единолично захвачу город и отдам им его на растерзание.

С торца кушетки к голове царя протянулись изящные и богато украшенные драгоценностями женские руки. В приглушённом свете свечей на них время от времени сверкали золотые браслеты и несколько перстней с драгоценными камнями.

Когда руки принялись массировать шею, виски, а затем и голову великого царя, рисунки, что тёмными узорами мелькали на тыльной стороне ладоней женщины как будто бы ожили и принялись двигаться в манящем танце, вторя нежным движениям пальцев.

— Для знати слово порой дороже любого сокровища, мой господин. Каждый уважаемый хаж следует этой поговорке. И всегда очень тщательно выбирает, что говорить, думая о последствиях, — раздался бархатный и успокаивающий голос владелицы чудесных рук.

— Ты утверждаешь, что я не аккуратен и поспешен в своих решениях? — чуть громче обычного произнёс Аравад, пытаясь подняться с кушетки и развернуться к своей собеседнице.

Руки женщины устремились к груди царя, проводя по ним пальцами, а затем унеслись к плечам и снова вернулись к шее, отчего тот застыл, привстав на локтях, а потом лёг обратно, смыкая веки.

— Мой господин лишь следует зову своего сердца, прислушиваясь к донесениям его лазутчиков, — голос женщины даже не дрогнул, когда её владыка захотел вспылить.

— Они уверяли, что город остался без защиты, и мы войдём в него, не потеряв ни единого солдата, — залепетал Аравад прежним умиротворённым голосом, наслаждаясь ласками тёплых нежных пальцев.

— Мой господин доверился не тем, и был обманут, — прожурчала женщина. — Виной всему было лишь слово, которому мой великодушный правитель доверился, надеясь на честность человека, как и подобает великому хажу.

— Манзи только и делает, что заботится о своём статусе в глазах воинов, — перевёл тему Аравад. — Возится с ними и чуть ли не ублажает каждого. Как настоятель какого-то храма.

— Для генерала война и есть храм, а армия — его паства, — голова женщины, прикрытая полупрозрачным красным платком, наклонилась вперёд и остановилась прямо напротив лица царя. — А мой господин для него Бог.

Аравад открыл глаза и уставился на чудесное перевёрнутое лицо своей слушательницы. Её светло-зелёные глаза источали мудрость и спокойствие. Узкие розоватые губы сложились в загадочной улыбке, а множество нанесённых хной точек ниже глаз придавали её личику ангельский вид.

— Не утратишься ли ты Всевышнего после этих слов? — спросил царь.

— Я лишь молвлю то, что вижу, мой господин. Ничего более, — заверила его женщина.

— Надеюсь, наш настоятель поймёт, как справиться с псом, что тьякает перед моей будущей святыней.

— Возможно, решение стоит поискать в забытых традициях прошлого, — витиевато предложила женщина.

Аравад улыбнулся и на этот раз смог присесть на кушетке, держа за руки свою наложницу, одетую в огненно-оранжевые шаровары и такую же облегающую короткую рубашку, что не прикрывала живота.

— Расскажи мне, Иммаренна, что у тебя на уме? — нетерпеливо попросил царь, словно ребёнок, выпрашивающий историю на ночь.

Она всё также загадочно улыбнулась и начала излагать свои мысли:

— Давным-давно владыки, не желая напрасно терять людей в битве, решали исход войны путём схватки двух своих лучших воинов. Проигравшая сторона признавалась вассалом победителя, но сохраняла жизни своих солдат.

— Ха, доверить исход всей битвы в руки одного единственного человека? Нужно быть в полном отчаянии, чтобы пойти на такой риск, — усмехнулся Аравад.

Иммаренна же только добавила:

— Или выставить того, кто не сможет проиграть.

Хитрая ухмылка расплылась на лице царя. Он посмотрел на свою советчицу с искренним

благоговением и коснулся рукой её лица, медленно поглаживая по щеке.

— И подарить нашим brave воинам зрелище достойного поединка. Воодушевить их, поднять боевой дух, а затем победоносно войти в город, — довольно протараторил царь. — О, моя коварная Иммаренна, будь в тебе хоть капля благородной крови, ты бы уже давно стала моей Царицей. Возможно, после захвата Дарсиды, я откажусь и от этого неуместного закона.

Они смотрели друг другу в глаза, пока у входа в шатёр не послышались чьи-то шаги, и вскоре раздался хриплый голос Абу Манзи:

— Мой Царь!

Аравад обернулся ко входу, а затем обратно к своей наложнице, но та уже исчезла за шторкой, прикрывающей вход в царскую спальню. Лишь только покачивание ткани выдавало место, где она скрылась, а также лёгкий аромат цветов в воздухе.

— Входи, — приказал Аравад.

Старый генерал прошёл внутрь и предстал перед правителем, который взял со стола кусок пергамента и принялся расписывать его пером с чернилами.

— Мой Царь, войска встали лагерем и уже отдыхают. Я приказал собрать два десятка лучших воинов, чтобы завтра...

Аравад поднял руку, прерывая донесение Манзи.

— Можешь не утруждать их. Я хочу, чтобы ты привёл ко мне самого могущественного из всей нашей армии мазара.

Манзи на секунду прищурился, соображая, что мог задумать его царь, а потом и вовсе нахмурился, когда вспомнил подходящую кандидатуру.

Тишина продлилась слишком долго, отчего Аравад поднял взгляд на генерала и спросил:

— Тебе что-то не ясно?

— Будет исполнено, мой Царь, но... — Абу Манзи немного замялся, собираясь произнести следующую фразу, — ...вам не понравится тот, кого я приведу.

Аравад закончил с посланием и сейчас заворачивал пергамент в трубку, выискивая ленту и печать с сургучом. Во время поисков по столу он вопросительно поглядел на генерала, а тот выдал так тревожившее его имя:

— Ном Дор Шаахзи.

Лицо Аравада перекосило. Он нашёл зелёную ленту и принялся яростно запечатывать свиток.

— Найди другого.

— Мой Царь, из всех людей под нашим флагом он самый могущественный чародей.

— И самый скользкий змей! К тому же высокомерный, — Аравад закончил подготовку письма и поднялся с кушетки, нервно расхаживая по шатру. — Я собираюсь послать завтра на поединок с тем бродягой своего лучшего воина, и мне нужен кто-то надёжный, а не эта блудливая тварь.

Абу Манзи услышал задумку царя и теперь заявил с полным пониманием дела:

— О, Великий Царь, я мог бы подыскать другого кандидата, но теперь... Если вы собираетесь последовать старинному обычаю, то только Ном Дор сможет гарантировать победу.

Правитель Санкри-Борум всмотрелся в лицо старого воина, встав сбоку от него.

— Ты так уверен в силе этого дарсидского пса? — с пренебрежением спросил он.

Абу Манзи не оборачивался, продолжая смотреть перед собой.

— Я не уверен в том, чего ещё не видел. А тот воин наверняка скрывает сюрпризы у себя под плащом.

Аравад снова принялся ходить по шатру, сцепив руки за спиной. Поразмыслив, он отдал ещё несколько приказаний.

— Ном Дора приведёшь после полуночи. И пусть сильно не распаляется по этому поводу. Пока он будет здесь, соберёшь дюжину колдунов, шаманов и прочих мазаров. Уведёшь их в сторону от лагеря и спрячешь за дюной. Утром я дам дальнейшие указания.

Абу Манзи напрягся, ибо ему не понравилась последняя часть. И хоть его лицо и выдавало недовольство, он никак не воспротивился приказу.

— Ступай. Можешь выполнять.

Генерал учтиво поклонился и вышел из шатра, а Аравад, наконец, остановился, сложив руки на груди и постукивая запечатанным свитком по плечу. Его раздумья прервало негромкое уханье совы, донёсшееся снаружи. Он оглянулся на прикрытый вход в спальню, а затем медленным шагом отправился к выходу.

Стражник, завидев своего царя быстро поклонился, а затем попытался последовать за ним, когда тот начал удаляться в сторону.

— Останься и охраняй вход, — услышал юноша приказ повелителя и без каких-либо пререканий вернулся на прежнее место.

Аравад удалился от всей стоянки туда, где его не могли увидеть. На самый край лагеря. Он встал лицом к воротам, наблюдая за двумя жёлтыми башнями, что как два маленьких клыка скрывались в пасти высоких гор.

К нему сзади приблизилась фигура с чёрным шемагом, обмотанным вокруг головы. Человек был ниже царя почти на голову и двигался бесшумно, согнув ноги, отчего на фоне Аравада выглядел словно карлик.

Царь был готов к встрече, поэтому не удивился, когда послышался мужской голос позади него:

— Зачем же ты звал меня, если уже решил, как поступить с этой маленькой неприятностью?

Аравад ненавидел, когда с ним общались как с равным, но в этом случае держал эмоции при себе. Его собеседник был слишком ценен, и ради выгоды он был готов пойти на такие уступки.

— Это будет запасной план. На случай, если ты потерпишь неудачу.

Низкий человек встал возле царя и гнусно захихикал.

— Не первый раз ты сомневаешься в моих хашиидах. Но именно сейчас? Неужели седой генералишка застрашал тебя своими сомнениями? Этот боец не выстоит и против одного моего человека.

Аравад уловил посыл мужчины, и заключался он в том, что тот услышал разговор царя с Манзи даже сквозь магический звуконепроницаемый барьер, наложенный его охранниками на шатёр. Это ещё больше взбесило царя, но он проглотил и этот укол, намереваясь удивить дерзкого нахала.

— Я не сомневаюсь в способностях твоих убийц, Мудхез, но в этот раз прикажу отправить их всех.

Предводитель хашиидов, в свою очередь, не любил, когда им командовали. Но принимал правила их негласной игры и не выказал своего гнева.

— Как тебе будет угодно, Царь Аравад. Но тогда и цена возрастёт втрое, — решил проверить Мудхез решимость своего нанимателя.

Но тот лишь усмехнулся такому ответу.

— А ты, мой алчный Мудхез, лично убедишься в том, что они преуспеют.

От такого поворота событий главарь хашиидов потерял дар речи. Он раскрыл рот, уставившись на Аравада и не понимая, говорит ли тот всерьёз или шутит. Но зная царя, догадался, что ни о каких усмешках не могло быть и речи.

— В таком случае, — начал кривозубый мужчина со множеством шрамов от укусов на безбородом лице, — Сумма возрастёт в пять раз.

— Меня это устраивает, — отозвался Аравад, поворачиваясь к жадному хашииду, — А в случае неудачи, сделай так, чтобы это послание оказалось у твоей цели, — он передал свиток обезображенному мужчине и под конец добавил: — У тебя есть время до полуночи.

Мудхез был оскорблён до глубины души. Он мог бы прикончить переступившего черту царя всего одним движением, но жадность перевесила чашу весов, заставив проглотить обиду.

Вместо того, чтобы сорваться и выпалить в сторону владыки Санкри-Борум что-то поистине оскорбительное, он лишь с улыбкой ответил, принимая послание:

— Мы справимся гораздо раньше, — хвастливо заявил он. — Мои люди уже давно в городе.

Мудхез натянул повязку на лицо, скрывая десятки своих маленьких шрамов, а затем скрылся из виду, растворившись среди песков.

Аравад снова всмотрелся в очертания двух башен, но на этот раз их подсвечивало слабое сияние начавшей выглядывать из-за гор большой луны.